

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

НА ПУТИ К ЦЕЛИ

Может быть, потому, что читал давно, помню Игната Ремеза из романа Иосифа Герасимова не рассудком, а ощущением. От него исходили мощные, грозные и опасные токи, как и от того сверхнасыщенного бедами и страданиями времени войны, в котором он сформировался как личность.

В фильме «Предел возможного», поставленном режиссером П. Коганом и П. Мостовым по сценарию И. Герасимова и А. Горохова, ничего запредельного нет, он сделан в добросовестной реалистической манере, с неким, пожалуй, уклоном в лирическую ностальгию. В этой большой, пятисерийной ленте, где все актеры играют добротно и в одном, подчеркнуто обывательном ключе, много хорошо знакомых ситуаций. Поначалу даже показалось, что подобное, почти на грани легкого пародирования собрание знакомых персонажей, где каждый несет лишь одну, строго очерченную сюжетную и психологическую нагрузку, есть сознательный режиссерский прием. Именно на таком, освоенном прежде в киноработах на схожую тему фоне могла ярче и колоритнее вырасти и сфокусироваться центральная, достаточно загадочная (по роману) и величественная фигура Игната Ремеза. В какой-то степени, хотя и в приглушенных тонах этот эффект присутствует. Поэтому есть смысл разобраться и с «героими-функциями», так или иначе вписывающимися в портрет того и нынешнего времени, оговорив, что здесь интересны они не столько сами по себе, сколько в соприкосновении с Ремезом.

Профессор Куликов (Е. Евстигнеев) — типичный кабинетный ученый, интеллигент, немного не от мира сего, в фильме он олицетворяет идею бескорыстного и верного служения науке и обществу. Его гибель в крутой военной страде по сюжету случайна, но по внутренней психологической логике вполне мотивирована. В то же время его смерть косвенно ложится одним из тяжких грехов на душу Ремеза. Секретарь обкома Рокозов (Ю. Сугаков) — человек доброго и деликатного сердца, но и трезвый политик, мудрец, умеющий за повседневной круговертью увидеть гранди-

озные масштабы социального переустройства, несущий на себе почти символические черты крупного партийного работника эпохи. Семен Куликов (В. Смирнитский), сын профессора, видимо, небезнадежный ученый, которого слабость духа и чрезмерная склонность к рефлексии, замешанной на собственном эгоизме, приводят в конечном счете к не слишком достойным поступкам и озлоблению. Костя Голиков (А. Леонтьев) — друг Ремеза, романтически восторженный и надежный, даром что к Ремезу уходит от него любимая жена. Степан Бортов (Ю. Кузнецов) — воплощение здравого смысла, человек не злой, но недалекий, живущий по принципу «чего прикажут», в общем, при известных обстоятельствах всегда годящийся на роль слепого орудия судьбы. Лена Голикова (И. Бразговка), вторая жена Ремеза, — классический тип женской преданности и самоотверженности, в меру эмансипированная (журналистка), причем погибает тоже как бы по косвенной вине Ремеза. Есть и другие типажки, которые можно вот так же достаточно полно очертить двумя-тремя словами в силу легкой узнаваемости их человеческого и характерного лица.

Подчиняясь закону драматургии масок, актеры и не пытаются выйти за пределы предложенного игрового материала, и тут к ним не может быть никаких претензий. Надо помнить, повторяю, что рядом с ними и над ними по замыслу (допускаю, мной наполовину надуманному) стоит предельно сложная, в чем-то зловещая, а в чем-то пророческая и страдальческая фигура главного героя, которая в удачных сценах освещает соседствующие с ней персонажи причудливыми и неожиданными бликами. Другое дело, что таких сцен немного, по две-три на серию, а те части, где Ремез на экране отсутствует, смотрятся порой даже и со скукой.

Сюжет картины тоже отнюдь не стремится разрушить каноны так называемого производственного фильма. Герои преодолевают всяческие, производственные и бытовые, трудности, воодушевленные идеей научно-технического и нравственного

прогресса, их антиподы (их в фильме почти и нет) вставляют им палки в колеса, в итоге добро побеждает, если разобраться, даже без особых потерь. Но и это я говорю без упрека создателям фильма, понимая, что в их замысле второстепенные персонажи-маски и сам сюжет — далеко не главное.

Суть всех событий — в образе Игната Ремеза, в его глубокой внутренней драме, и разобраться в ней особенно необходимо. Кто же он такой — Ремез? О, это человек далеко не ординарный, с заткками одновременно и общественного лидера, и крупного ученого, вдобавок с обостренным чувством долга в его высшем гражданском понимании. А это все не так часто совпадает в одном человеке. И вот его, совсем еще молодого, с неокрепшей душой, полного иллюзий юношу, судьба и война ставят в чрезвычайное положение, потребовавшее от него колоссального, смертельного напряжения всех сил. Это ему, и никому другому, по личному распоряжению Сталина предстоит за два месяца превратить рядовое промышленное предприятие в действующий танковый завод оборонного значения. Задача почти невыполнимая, из того окружения, в котором он находится, в нее по-настоящему никто и не верит. Те, кто понимает, в чем дело, смотрят на него чуть ли не с жалостью и сочувствием. Тем более что предыдущий директор делает свой выбор, пустив себе пулю в висок. Но сколько таких невыполнимых задач было выполнено в то тяжелое время?

Ремеза не сокрушила эта гора, он принял ее на свои плечи. В. Соломин отлично провел сцену перевоплощения своего героя. Мгновенного перевоплощения. К телефонной трубке подошел один человек, пылкий, влюбленный, способный на житейские глупости, а отошел от аппарата другой, вмиг окаменевший, отбросивший все суетное, уже сосредоточенный лишь на одной идее, на одной страсти. В одну минуту он принял в себя и огромную власть над людьми, данную ему обстоятельствами, и ответственность за будущее, и даже грядущую расплату — принял и не поколебался. В

течение мучительных двух месяцев и долгий срок спустя он будет действовать безупречно, превратится в «железного» директора. И будет истинным героем, честь и хвала ему. Но потом...

Обязательно наступает это потом. Ремез, закованный в броню великого своего свершения, как-то не успел за временем, не заметил, что в этом новом времени, в нормальных человеческих отношениях его предельная требовательность к себе и к людям, во всяком случае те формы, в которых он привык ее выражать, уже вроде бы и не ко двору. Более того, люди, вчера еще безропотно повиновавшиеся каждому его слову, глядевшие на него с восторгом и надеждой, сегодня отворачиваются и еле скрывают свою неприязнь. Слово он вдруг стал лишним, никому не нужным — пятое колесо в телеге. И ничего, оказывается, не значат прежние заслуги? Его наконец попросту отстраняют; те же люди, которые когда-то доверили ему власть, отбирают ее у него.

Страшен этот удар. Такого рода прозрение бывает столь же губительно для души, как обыкновенная смерть. Но Ремез выдерживает и это. Пройдет время, уляжется первая злая обида, и он поймет: да, такова неумолимая жизнь, в ней приходится ежедневно, каждый раз заново подтверждать свою значимость и необходимость большому делу. Ремез не сломался, потому что неодолима его свирепая жизнестойкость и великая вера в свое предназначение. Преодоление собственного душевного кризиса имеет для него такое же значение, какое имела для его отцов и дедов победа над классовым врагом. Ведь в первую очередь Ремез — человек государственный, умеющий брать на себя ответственность и ставить заботы страны выше своих собственных.

Но вот важный вопрос: обратимы ли изменения, которые происходят в психике человека, вынужденного долгое время подавлять в себе почти любые проявления живых чувств и вдобавок имеющего возможность по собственному усмотрению, давая отчет лишь своей совести, распоряжаться чужими судьбами? Способен ли «изменив-

шийся» Ремез занимать новые ответственные посты? Фильм дает на этот вопрос поспешный, благодный, утвердительный ответ, потому он и не вызывает должного доверия. Последние две серии текут уже в совершенно лирическом, голубом ключе, с примесью неизбежной грусти стиля «ретро». Честно говоря, со скептической улыбкой приходится слушать споры «нового» Ремеза с ученым Самаринским (Р. Янковский), где герой с многозначительной твердостью отстаивает позиции, прямо противоположные тем, которые были выстраданы всем его сознанием в страшные годы всенародной беды. О, если бы в жизни все было так просто, если бы все было, как в кино...

С любовью и уважением отношусь к актерскому дарованию В. Соломина, но осмелюсь сказать, что в фильме он играет не совсем свою роль. В его игре нет провалов, а некоторые куски, как, скажем, последняя сцена прощания с заводом, исполнены на высшем трагедийном уровне, но дело в том, что его победительное обаяние, его художнический темперамент Ремеза, он иного склада, хотя в общей структуре фильма, пожалуй, и уместен, не выпадает из заданной интонации. Слишком много в облике этого актера человеческой, чутьточку сентиментальной доброты, и зритель к этому привык. Сыграть другое ему, видимо, не свойственно, а Ремез был беспощаден, и время, которое его сформировало, было чрезвычайно сурово к своим детям. Не показать наглядно причины и воплощения этой беспощадности, ее фатальную неизбежность и те опустошения, которые она производит в человеке, значит, заведомо идти на недоговоренности и ограничиться намеками. Но не мной замечено, что в искусстве полуправда порой опаснее многого другого.

И все же фильм «Предел возможного» при всех видимых издержках, на мой взгляд, поднимает важные и злободневные проблемы и заставляет размышлять над ними.

Ан. АФАНАСЬЕВ.